

РЕЗНАЯ СВИРЕЛЬ

ПРОДАВЕЦ ТУМАНОВ

ИСТОРИИ В СТИХАХ
ДЛЯ ГОРОДСКИХ МЕЧТАТЕЛЕЙ

МИО

МИФ Культура

Наталья Захарцева (Резная Свирель)

**Продавец туманов. Истории в
стихах для городских мечтателей**

«Манн, Иванов и Фербер»

2024

УДК 821.161.1:82-1
ББК 84(2Рос-Рус)-53

Захарцева (Резная Свирель) Н.

Продавец туманов. Истории в стихах для городских мечтателей /
Н. Захарцева (Резная Свирель) — «Манн, Иванов и Фербер»,
2024 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-214195-1

Эта книга как чашка горячего чая в промозглый день, как шерстяной плед для продрогшего городского мечтателя. Волшебные стихи-заклинания, философские притчи с теплыми и уютными акварельными иллюстрациями. Все самое необходимое холодной осенью и снежной зимой: чай с печеньками, простые истины, душевные книги, теплый плед, запах груш и мандаринов, дождь по стеклу, сказки и чудеса, тиканье часов в вечерней тишине, шепот далеких морей и корабли, плывущие над крышей. Для кого эта книга
Для тех, кто ищет тепла, поддержки и вдохновения в самое темное время.
Для поклонников добрых историй в духе Фредрика Бакмана. Для любителей современной поэзии.

УДК 821.161.1:82-1
ББК 84(2Рос-Рус)-53

ISBN 978-5-00-214195-1

© Захарцева (Резная Свирель) Н., 2024
© Манн, Иванов и Фербер, 2024

Содержание

ОСЕНЬ	7
Жили-были	10
Обернись	11
Осень	12
Продавец туманов	13
Трамвай	15
Кино	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Резная Свирель

Продавец туманов. Истории

в стихах для городских мечтателей

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Резная Свирель, 2024

© Иллюстрации. Катерина Путилина, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

ОСЕНЬ

Жили-были

Жили-были, спали-ночевали. Пили хмель, сидели у плетня. Оставляли сны на сеновале в дар сверчкам, мышатам и теням. Плакали, не знали, что в финале. Да и есть ли он вообще – финал? Даже никого не проклинали, даже их никто не проклинал.

Мазями лечили поясницу, зельями – ангину и отит. Сдуру в мае завели жар-птицу, а она возьми – да улети. Под лягушек хоровое пение начинали думать о зиме. Делали компоты и варенье. Часто были не в своем уме. Да и свой, какой он, непонятно. Вдруг вернешься – он уже чужой? Убирались, выводили пятна. Обзывали мельника ханжой, пекаря – зазнайкой, но шутейно.

Возводили круг из валунов. Сами мастера, не подмастерья пустобрехов, ухарей, врунов.

Погибали. Возрождались снова. Привезли из Турции кальян. Накупили разного льняного, всякого постельного белья. Били в бубен. Кланялись иконе. Видели русалок под водой. В августе пришли под окна кони. Рыжий конь строптивый и гнедой. Почесав костяшками щетину, попрощавшись с вербой и ветлой, сел Иван на бархатную спину. Села Марья в доброе седло. Вздригнуло дырявое корыто где-то в самой средней полосе.

Скачет Мастер рядом с Маргаритой, скачут Ариадна и Тесей. Скачут Одиссей и Пенелопа. Дело не в количестве имен. Кони в райских яблоках галопом скачут, поднимая пыль времен.

Жили-были, запирали двери, свет гасили, слушали прибой. Где бы ты во что бы ты ни верил, сказка не закончится тобой. Собирая жизнь по закоулкам, собирая смерть по уголкам, скачет в небе вещая каурка, стряхивает в вечность седока.

Обернись

Вдоль фонарного частокола, по разметке арбузных корок возвращаются дети в школу, возвращается осень в город и тебя, дурачину, ищет. Ты спешишь к ней с запасом маны. С точки зрения многих – нищий, но богатый. В твоих карманах долька солнца и звезд секреты – это память о жарком лете. Что вы делали прошлым летом? То же самое, что и этим.

Осень встретит тебя и примет. Занырнешь от дождя под арку. Даже в городе – он алхимик – лес готовит тебе подарки. Вот садится медведь за столик медовухи попить с волчонком. Вот девчонка – лиса и только – в желтой куртке и с рыжей челкой. Вот колдунья, обняв кошелку, дочитала строку абзаца. Вот курьер поднимает желудь, и откуда ему тут взяться? Вот ведьмак на одной из станций потерял перочинный ножик. Возвращаешься в дом, и в танце духи следом крадутся тоже, потому что нельзя иначе, впрочем, можно, но это вилы. Ты ловцов забираешь с дачи, чтобы зимние сны ловили, чтобы мир твой никто не рушил. Вот русалка с озерным пением. Виноград, облепиха, груша, дым костра и вороны перья.

На больших площадях малюя (видно, краска недорогая), возвращается осень к людям, сентябреет и поджигает липы, клены, рябины, вязы. Вот дракончик в пожарной каске. Будет время для новых сказок. Ты продолжишься в этих сказках. Будут праздники, будут будни, будет с травами чай горчащий. Обернись – и узнаешь, путник, что скрывает лесная чаща.

Осень

Эта осень осеннее прочих в своей печали.

В неизвестность, а может, в прокуренный модный бар пара шла по дороге. Вы, верно, ее встречали, но, конечно, не помните, мало ли всяких пар. По ступенькам, похожим на клавиши пианино, словно ноты, рассыпались голуби. Капал дождь. Торговали глинтвейном. Краснела в садах рябина. Звал в ненужное прошлое каменный лысый вождь. Корабельные сосны скучали по Калевале. От испуга река неизменно впадала в Стикс. Пара шла по дороге. Конечно, их как-то звали. Но сегодня они миссис Игрек и мистер Икс. В ее плеере бывшие рокеры рвали струны. В его сумке свернулись наушники, как змея.

Он вручил ей браслет. На браслете менялись руны, танцевали случайные буквы, горел маяк; но, пока твой кораблик плывет к незнакомым странам и глаза капитана синее полярных льдов, говори обо мне парусами, которым рано становиться обрывками ткани для новых вдов.

Эта осень играла листвой на пустом бульваре, разноцветными феньками, проседью в бороде. Укрывались в дома растаманы и растафари, умоляли цветочного бога: «За нас радей. И особо за тех, кто за каждую смерть в ответе, кто в любом непохожем способен найти врага».

А в застежке браслета родился восточный ветер с перспективой когда-нибудь вырасти в ураган. Становились темней вечера, бесприютней ночи. Бог сидел у камина, с башкой завернувшись в плед.

По дороге шла пара. Обычные, даже очень. Миссис Игрек касалась браслета – и пел браслет; но, пока самолетик за старым живет комодом, на задворках дерутся за власть молодые львы, говори обо мне янтарем, молоком и медом. Говори как о мертвых, но все-таки о живых.

В подворотне не то Робин Гуд, не то Стенька Разин похваляется доблестью, втайне боясь всего. Эта осень устала, как мы, от резни и грязи. Предъяви нам уже невозможное волшебство. Ведь пока мы решаем банальные неувязки и пока мы такие ужасные дураки, славный мистер Волшебник по-прежнему пишет сказки. Да и миссис Надежда не снимет браслет с руки.

Продавец туманов

А продавец туманов был хорош. Он делал офигенные туманы. Туманы-обереги, талисманы и на удачу маленькую брошь. Туманы пахли снегом и травой, кофейным автоматом на вокзале. Туманы никогда не исчезали: ни покупной, ни даже дармовой. Бывало, продавец товар дарил – вдруг денег мало, человеку надо тумана с пузырьками лимонада без ГОСТов, расфасовки и мерил. Туман, как тамаду, на три часа заказывали радостной невесте. Состав простой и широко известен. Повышенная влажность, дождь, роса хранились в непрозрачных пузырьках, аптекарских флаконах или банках. Для инженера, пекаря, подранка. Был с запахом творожного сырка. На выбор запах, только выбирай: малинового тортика, олифы. Туманы-львы, туманы-гиппогрифы. Шипение волны, вороний грай.

А продавец туманов был мастак. Товар, конечно, пользовался спросом. Намучился однажды с альбатросом, но с птицами – оно обычно так. В конце концов, игра на интерес, прокачан навык, практика полезна. Зато туман войны – идите в бездну – он делать отказался наотрез. Его хвалили долго и толпой. Сограждане в восторге, город счастлив. А продавец туманов засмутился: «Да бросьте, отказался бы любой».

А продавец туманов был забыт. Туманы стали хуже получаться. Конечно, поддержали домочадцы в районе плеч и сердца. И губы. Сказали: «Закатаем, правда, ну, ты продолжай – хорошее же дело». Туманы цвета траура и мела не продавались. Мастер психанул. Исполнил кран водопроводный гимн. А продавец засунул ноги в кеды. Засунул склянки в плотные пакеты – займусь для пользы чем-нибудь другим. Наверно, так бы все произошло, когда бы продавца не встретил ангел. Дождями оккупировало фланги, тянулся листопадный эшелон предвестником грядущей тишины. Взахлеб смеялся ангел (пах как рислинг): «Я мусорщик. Я забираю мысли о том, что вот, туманы не нужны». Туман-олень, туман – кошачья шерсть. Я помню про туман – собачьи брыли. Потом еще сидели, говорили.

А продавец туманов был и есть. По пятницам луну кладет в карман, в рюкзак кладет звезду на всякий случай. Он сделает для ангела свой лучший, свой самый офигительный туман.

Трамвай

Утоляя стабильный голод по касанию теплых крыш, ночь крылом обнимала город, колыбельно качая тишь. Разговором на лавке грелся штурман дальнего рубежа. И последний трамвай по рельсам сквозь бетонную тьму бежал. Он был младшим в депо трамвайном и поэтому дураком. В подворотне сидела тайна, сожалевшая ни о ком.

Но трамвай, рассыпая блески, заприметил – ну что с того? – человека на перекрестке, не успевшего на него. Понимаешь, какая драма? Расстился над крышей смог. Дурачок умел только прямо, развернуться никак не мог. Всё по графику, всё по сроку, всё по пунктикам, – это жизнь. Начертили тебе дорогу – непременно ее держись.

Билетерша дремала в кресле, колыхался волной живот. И подумал трамвай: «А если». И подумал трамвай: «А вот – человеку ужасно надо, а пешком не успеть вообще. Он, возможно, не махинатор, не бандит, не маньяк в плаще. Просто вовремя не успеет, не обнимет, не попадет». Улыбалась Кассиопея, фонари источали мед, умножая луну стократно. Самолет собирался в рейс. И поехал трамвай обратно, наплевав на законы рельс. По булыжникам, словно небу, словно морю, – смешной фрегат. Был трамвайчик рогат как зебу. И как горный козел рогат. Пахло яблоком и инжиром, а бунтарь, колесом стуча, вез последнего пассажира к тем, кто ждал его битый час. Время жатвы и время сева, время психов – семь верст не крюк. Пусть кому-то приснился север – билетерше приснился юг.

Утоляя скупую жажду по движению к волшебству, утро в город пришло однажды. Золотили лучи листву. Разносили сороки сплетни, разводили влюбленных дни. Вдруг ты тоже трамвай. Последний. Не стесняйся давай, звени.

Кино

Сто тысяч лет мы не были в кино, чтоб темный зал и плюшевые кресла, ворчливый шепот слева: «Не канон», «Ее ж убили, почему воскресла?». Сто тысяч лет не выходили в мир реальный из придуманной картинки. С машинами, атлантами, людьми. С субтитрами реклам. Одним ботинком. И кто-то в лужу обронил блокнот, а кто-то потерял уже и веру. Осенний свет приходит под окно показывать прекрасную премьеру: рябину, желудь, толстых голубей, наушники и мокрые кроссовки. Здесь, в городе, сюжеты о тебе, ты в главной роли (думаешь – в массовке).

Стекают горлом водосточных труб все небеса, свинцовые, как гири. И ты пока настолько мал и глуп, чтоб оценить масштаб драматургии, чтоб оценить, как полон твой стакан, и реквизит, что древний, словно ящер. Сентябрьский ветер – трикстер, шут, аркан – нашептывает: «Ты ненастоящий».

Вот где-то за бамбуковым столом или в стране жирафа и гепарда сидит пират, глотает темный ром, и у пиратской обуви нет пары. Японец ловит скользкого угря, в суп добавляет водоросли нори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.